

НАША СТРАНА

Год издания 77-й. Буэнос Айрес, 21 ноября 2024

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 21 de noviembre de 2024

No 3234

О белых валькириях

К 104-ОЙ ГОДОВЩИНЕ ИСХОДА БЕЛЫХ ВОИНОВ ИЗ КРЫМА

Среди бесчисленных советских фильмов о Гражданской войне есть и снятая в 1977 году по мотивам рассказов Всеволода Иванова картина с многозначительным названием «Долг».

Действие происходит в 1920 году где-то в Туркестане. Друг другу противостоят небольшие отряды комиссара Селиванова (конные матросы и "сознательные туркестанские трудящиеся") и полковника Степанова (казаки и джигиты одного местного хана).

По ходу дела выясняется, что в январе 1917 года полковник Степанов (Леонид Марков) проиграл капитану Селиванову (Николай Олялин) в карты значительную сумму, которую должен был принести на следующий день, но Селиванов куда-то исчез (видимо, перешёл на нелегальное положение и стал готовить мировую революцию). Поэтому, разгромив красных, полковник не может расстрелять пленного комиссара, но вынужден предложить ему свободу и шкатулку с драгоценностями в счёт своего карточного долга. Комиссар, со своей стороны, свободу и драгоценности категорически отвергает, а желает быть расстрелян, ибо таково его понимание слова долг.

В общем, советская дидактика; молодым смешно, а во времена моего детства это был вполне типичный кинодиалог.

Однако, помимо дидактических упражнений, в фильме «Долг» есть один эпизод, который заинтриговал меня ещё тогда, в 70-х (при подготовке этой статьи я отыскал картину в Сети и обнаружил, что искомая сцена длится с 32 по 34 минуту). Красные преследуют подводу, на которой от них пытаются уйти два белых офицера. Офицеры отстреливаются, но погибают. Комиссар Селиванов снимает с мёртвого врага фуражку, из под которой рассыпаются золотистые волосы, и выясняется, что это дама. Перед зрителем на 20 или 30 секунд предстаёт лицо убитой русской женщины.

В детстве меня учили, что никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя даже подумать о том, чтобы поднять на женщину руку. Можете себе представить, как я воспринял увиденное в фильме «Долг».

В повозке между тем обнаружился плачущий младенец, и красные тут же принялись его спасать, но это меня уже не заинтересовало, как не заинтересовали ни суицидально-революционные склонности комиссара, ни даже соображения чести, которыми руководствовался полковник, тоже в конце концов пришедший к суициду (хотя где-то в моём девятилетнем мозгу и зафиксировалась мысль, что приличные люди не убивают тех, кому должны денег).

Меня заинтересовало, почему эта женщина была в форме. Как свойственно детям с богатым воображением, я стал додумывать

историю безымянной белой героини. Благо, в том же 1977 году вышла очередная экранизация «Хождения по мукам», дававшая детскому мозгу богатейшую пищу для фантазий на тему «что может произойти с человеком во время Гражданской войны».

В ту пору мои политические симпатии, не говоря уже о взглядах, ещё не сформировались.

Белые были мне чуть ближе красных по сугубо эстетическим соображениям - в советских фильмах, от «Чапаева» до «Дней Турбиных», и от «Сорок первого» до «Неуловимых мстителей», они всегда лучше выглядели и обладали куда лучшими манерами.

Спустя какие-то пять лет у меня уже были вполне антисоветские взгляды. Я всё отчётливее понимал, что родина пала за полвека до моего рождения, и что на её руинах построен очень странный и не очень пригодный для жизни мир.

Меня всё живее интересовало, какой была исчезнувшая империя и при каких обстоятельствах она погибла. Как мы жили бы, если бы она сохранилась. Как сложилась бы наша история, если бы Фортуна склонилась на сторону белых. Разумеется, эти вопросы волнуют многих.

В 2016 году Елена Чудинова написала роман «Победители». Его действие разворачивается в 1984 году в мире, в котором Гражданскую войну выиграли белые. В нём описан мир, где правые одержали полную победу не только в России, но и во всём мире - во Франции в очередной раз восстановлена монархия, в Европе возрождён Священный Союз в расширенном составе, большую роль играет религия, сексуальной революции не произошло, а массовое общество не возникло. Это прекрасная право-консервативная утопия, которая едва ли могла быть построена в реальном мире (точно так же другой знаменитый роман Елены Петровны, «Мечеть Парижской Богородицы», - блистательная

антиутопия, которая, к счастью, никогда не будет реализована).

После реставрации порой действительно возникает куда более консервативный режим, нежели тот, что был до революции, но обычно не надолго. Яркий пример - Франция. Карл X по сравнению с прогрессивнейшим Людовиком XVI был настоящим реакционером, и Франция отвергла его довольно быстро. В России Белое Движение не было даже монархическим по существу (хотя монархистов в его рядах было большинство), так что я бы не ждал от белых установления ультраконсервативных патриархальных порядков. В случае их победы в России с наибольшей вероятностью возникло бы что-то вроде фашизма. Говоря это, я не вкладываю с слово фашизм никакого оценочного смысла, для меня это технический термин.

И уж тем более я никак не связываю фашизм с германским национал-социализмом. Нацизм строится вокруг борьбы рас, в то время как фашизм прокламирует сотрудничество классов в корпоративном государстве

Самое острое определение фашизма, которое мне доводилось встречать - «господство высших классов, опирающееся на искусственно вызванный энтузиазм масс». И если вам не нравится итальянский термин «фашизм», вы можете заменить его каким-нибудь другим по своему вкусу. Во Франции это называлось интегральным национализмом, в Испании - то национал-синдикализмом, то фалангизмом, в Южной Америке используются такие термины, как корпоративизм. В принципе, среди белых были деятели, разрабатывавшие эти концепции, но широкой известности их разработки не получили и энтузиазма у масс не вызвали. Нетрудно заметить, что сколько-нибудь успешные варианты фашизма и близких к нему течений наблюдались по преимуществу в романских странах, где мир - театр, а жизнь - игра.

Похоже, русские правящие классы погубила чрезмерная серьёзность. Имне хватало лёгкости и артистизма, чтобы очаровать массы и вызвать у них необходимый энтузиазм.

Впрочем, гораздо интереснее гипотетической победы белых - вариант сохранения монархии.

Через четыре или пять лет после знакомства с экранизацией «Хождения по мукам» (т. е. где-то в начале 80-х), я прочёл и саму трилогию графа Толстого.

В первой же главе «Сестёр» я обнаружил следующее:

"В последнее десятилетие с невероятной быстротой создавались грандиозные предприятия. Возникали, как из воздуха, миллионные состояния. Из хрусталя и цемента строились банки, мюзик-холлы, скетинги, великолепные кабаки, где люди огулались музыкой, отражением зеркал, полуобнаженными женщинами, светом, шампанским. Спешно открывались игорные клубы, дома свиданий, театры, кинематографы, лунные парки. Инженеры и капиталисты работали над проектом постройки новой, не виданной еще роскоши столицы, неподалеку от Петербурга, на необитаемом острове. <...> То было время, когда любовь, чувства добрые и здоровые считались пошлостью и пережитком; никто не любил, но все жаждали и, как отравленные, припадали ко всему острому, раздражающему внутренности. Девушки скрывали свою невинность, супруги - верность. Разрушение считалось хорошим вкусом, невращения - признаком утонченности. Этому учили модные писатели, возникавшие в один сезон из небытия. Люди выдумывали себе пороки и извращения, лишь бы не прослыть пресными. Таков был Петербург в 1914 году.»

Этот пассаж полностью, до деталей, совпадает с описаниями Берлина, Парижа и Нью-Йорка чуть более позднего времени - ревущих двадцатых, эры джаза.

Все социокультурные перемены, сплошь и рядом объясняемые Первой Мировой войной, начались ещё до войны и независимо от неё. Они непременно произошли бы, даже если бы войны удалось избежать.

В первой половине двадцатого века речь шла не о выборе между традиционным и массовым обществом, а о выборе той или иной модели массового общества. Это касается и русской революции и Гражданской войны. Ни сохранение монархии, ни победа белых не означали бы торжества традиционной модели, они означали бы переход к разным формам массового общества. В 1914 году Россия давно уже не была ни царством позолоченных куполов, ни страной патриархальных семейных ценностей. Она была империей банков и мюзик-холлов из хрусталя и цемента.

Существуют три модели массово-

Баронесса София Николаевна де Бодэ

го общества - социалистическая, фашистская и общества потребления. Большевики строили социализм в его наиболее катастрофической форме, а когда всё закономерно развалилось, начался кризисный переход РФ к псевдо-демократической системе). Белые в случае победы на несколько десятилетий установили бы нечто вроде фашизма, после чего Россия неизбежно перешла бы ко всё той же системе общества потребления.

Судя по опыту Италии, Испании и Чили, такие переходы бывают куда менее болезненны, нежели процессы, наблюдаемые сегодня в РФ. Наконец, если бы революцию удалось предотвратить или подавить, в Российской Империи полнокровные институты общества потребления были бы введены так же легко и естественно, как это произошло в монархиях Скандинавии и Бенилюкса.

Мир, в котором Российская Империя сохранилась, был бы похож на наш собственный куда больше, чем обычно изображают авторы альтернатив. Только Россия занимала бы в нём совсем иное место и находилась бы на совсем ином уровне. В мире Чудиновой в 1984 году довольно слабо развито телевидение, хотя компьютеры и телефоны находятся где-то на уровне наших 90-х. Думаю, в реале Российская Империя, случись ей прожить подольше, стала бы родиной телевидения. А уж русское кино, судя по тому, как оно развивалось во времена Александра Ханжонкова и Веры Холодной, доминировало бы как минимум в Старом Свете.

Вероятно, это повлияло бы на всю русскую культуру. Она утратила бы литературоцентричность и сосредоточилась бы на движущихся картинках задолго до наших дней.

Кстати, недавно я где-то прочитал, что любимой писательницей Царя Николая II была Тэффи. Государя спросили, кого из литераторов он желает видеть на праздновании трёхсотлетия Дома Романовых, и он ответил, что только её.

Недавно мне попался на глаза один текст, который может послужить ответом на мои детские вопросы о судьбе безымянной героини фильма «Долг». Владимир Амфитеатов-Кадашев был русским публицистом, во время Гражданской войны пребывавшем на Юге России. Вот его свидетельство:

“Одной из особенностей южных армий является большое количество женщин, сражающихся в наших рядах. Этого, говорят, нет ни у Колчака, ни на других фронтах. В Ростове постоянно встречаешь молодых девушек и дам, одетых в солдатскую форму, иногда (даже чаще) с офицерскими погонами (их легко производят). Я имел удовольствие знать многих лично: очень любопытно. Явление это, в сущности, не новое, наблюдавшееся еще во времена Большой войны, но сейчас страшно участившееся. Насколько я могу судить, здесь мы имеем дело с тремя типами, с тремя побуждениями.

Во-первых, казачки — они, по самой натуре своей, мужественны и воинственны, дочери военной доли: с детства умеют ездить верхом, стрелять, закалены и здоровы. И, в сущности, нет ничего неестественного, что, когда их домам, их родной земле начала угрожать гибель, они схватились за оружие, тем более, что настроены казачки гораздо крепче, непримиримее и смелее, чем их мужья и братья.

Но казачек-добровольцев почти не видно в тылу, они остаются на фронтах, причем очень часто совмещают роль солдата с ролью сестры милосердия. В бою — с шашкою, с винтовкой, после боя — с бинтом и ватой. Нередко, по миновании опасности, они мирно возвращаются к домашнему очагу. Это безусловно, самый чистый, героический, благородный тип наших Жанн Д'Арк.

Во-вторых романтические головки из интеллигентных и аристократических семей. Романтизм здесь бывает самых разнообразных градаций — от беззаветного горения, патриотического порыва, до полубезумной истерики.

Возбудители его тоже разнообразны: встречается патриотизм чистого вида, как у Али Д., у которой я впервые в жизни встретил ощущение Родины как живого существа (очень интересная, вообще, девушка, с огромным мистическим опытом); но чаще патриотизм бывает смешан с чувством личной любви к определённому человеку — мужу, жениху, любовнику; такова была кн. Черкасская, убитая под Таганрогом, неразлучно следовавшая за своим, тоже впоследствии погибшим, мужем, такова Джульетта Добрармии (как ее называли) — Нина З., не захотевшая расстаться при оставлении Ростова в 1918 г. с женихом (ему было 19, ей 17 лет), мужественно переносившая все тяготы Ледяного Похода и трогательно погибшая вместе с женихом в одном бою; такова Золотая Люся, очаровательное существо, в которое был влюблен весь её отряд, но которая любила только своего жениха, молодого поручика, и пожертвовала за него жизнью: больной тифом он был оставлен в пустой хате и попал в лапы большевиков вместе с не хотевшей его покинуть Люсей.

Видя неминуемую гибель, она придумала такой героический выход: выдала больного за мужика, хозяйка хаты, намекнув, чтобы замести следы, что офицер спрятан где-то в другом месте. Большевики поверили, оставили больного в покое и подвергли Люсю жестокой пытке, добываясь, где же офицер? Люся всё снесла и не выдала. Наш развед, залетев на хату, истребил большевиков и нашёл бессознательного тифозного и истерзанную до полусмерти Люсю. Они были спасены, но, к несчастью, кроткая девушка не вынесла мучений и умерла через несколько дней.

Такова, наконец, М.Н.Т. — скромная, черноволосая дама с печальными глазами, похожая в форме на студента-первокурсника, жена видного адвоката в одном из городов Северного Кавказа. Она влюбилась в офицера, остановившегося у них во дни короткого (прошлым летом) занятия её родного города Добрармией; влюбилась мгновенно: *coup de force*, бросила семью и с той поры неотлучно следует за новым избранником.

Иногда, впрочем, побуждения бывают далеки от любви. Например, одна барышня, ещё совсем девочка, гимназистка шестого класса, ушла в армию, чтобы искупить грех старшего брата, ярого большевика.

А зарубленная в схватке под Белой Глиной баронесса Софья де Боде стала солдатом из чувства мести: в 1917 году на её глазах (институтки предпоследнего класса) красные вырезали всю её семью — отца, мать, сестру с

мужем и двух маленьких детей сестры; её спасла старая нянька.

Баронесса, воспитанная в военной семье, прекрасная спортсменка, лихо ездящая, стреляющая, владеющая саблей, — наиболее прославленная из «валькирий». Про неё рассказывают много забавного: как Корнилов поймал её за хорошим делом — носилась на коне по улицам занятого села и на лету шашкой смахивала головы гусям, — и как Верховный чуть не предал её суду за мародёрство. Дело, конечно, обошлось, но всё-таки, когда армия вернулась летом 1918 г. на отдых на Дон, Марков вспомнил о гусях и засадил баронессу на две недели на гауптвахту. В другой раз баронесса явилась причиной того, что «тапан» Смольного едва не окоцурилась от ужаса — в самом деле, разве не ужасно: в приёмную института в Новочеркасске входит молодой офицерик, и все институтки с визгом бросаются ему на шею! К счастью, «тапан» вовремя разглядела, что офицер-то на деле — де Боде.

Но рассказывают про неё и страшное: ужас, пережитый при гибели семьи, сделал из этой юной девушки существо неодолимо жестокой, которая смущала даже старых вояк. Де Боде хладнокровно и беспощадно расправлялась с пленными, правда, никогда не подвергая их лишним мучениям.

Но очевидцы говорили мне, что нестерпимо жутко было видеть, как к толпе испуганных пленников подсакивала молодая девушка и, не слезая с коня, прицеливалась и на выбор убивала одного за другим. И самое страшное в эти минуты было её лицо: совершенно каменное, спокойное, с холодными, грозными глазами. Погибла де Боде тоже «валькирически» (хотя валькирии и «не погибаемы») — в лихой рукопашной схватке с красными казаками Миронова.

В-третьих: авантюристки. Здесь тоже много градаций, начиная от «гулящих женок» какого-то «валленштейновского» типа, вроде той рыжей проститутки, что до сих пор по ночам шляется по Садовой в гимнастерке и высоких сапогах, а в армии околачивалась, пока не вздумала однажды нацепить... полковничьи погоны (тогда ее подвергли наказанию розгами и выставили), — до авантюристок, не лишенных некоторой внутренней красоты, какого-то лихого порыва, удалства, легкомыслия (внешняя красота среди наших валькирий — явление тоже частое: большинство — хорошенькие), — этаких героинь кинематографического стиля.

Есть среди них и неприятные: война, конечно, грубит, принижает женщину, но есть и сумевшие найти иногда почти очаровательный тон, в котором военное странно мешается с женственным...»

Я почти стопроцентно уверен, что если бы Историческая Россия сохранилась, сегодня западно-европейские и американские блогеры иллюстрировали бы свои посты о сражениях прекрасных валькирий со всякой сволочью и нечистью кадрами из русских фильмов. Но, увы, мы живём в мире без Российской Империи,

впрочем, жизнь когда-то наладится, и я надеюсь прожить достаточно долго, чтобы однажды увидеть великолепный *блокбастер*, в котором юная баронесса Софья Николаевна де Боде будет мстить большевикам за свою семью. Крупным планом. Желательно - в 3D.

Б. Моравин

РАССЕКРЕТИТЬ СОВЕТСКИХ ПАЛАЧЕЙ

Житель Кемерово Александр Котенков уже больше пяти лет судится с Управлением ФСБ по Алтайскому краю, чтобы получить доступ к архивам, которые хранят тайну его прадеда — крестьянина, репрессированного почти 100 лет назад. Ведомство отказывается рассекречивать данные, ссылаясь то на гриф «секретно», то на ветхость документов, а то и вовсе обвиняя Александра Котенкова в угрозе национальной безопасности.

Почему архивы ВЧК-НКВД-КГБ до сих пор засекречены? Власти не хотят, чтобы люди видели масштаб этих репрессий, а также те средства и методы, которые были использованы. Ведь, в принципе, ничего не поменялось — и средства, и методы такие же, а цели — просто один в один. Цель — это страх.

Сейчас очень развиты информационные технологии, и не нужно проводить массовые репрессии, достаточно провести точечные, и та скорость, с которой сейчас распространяется информация, обеспечит такой же эффект, какой достигался массовыми репрессиями. Если бы у Сталина был интернет и Первый Канал Телевидения, ему не потребовалось бы проводить массовые репрессии.

Ещё один немаловажный момент: репрессии имеют эффект только тогда, когда их маховик набирает обороты. Он не должен останавливаться на каком-то одном уровне, потому что люди имеют свойство привыкать ко всему и могут уже не реагировать и не бояться. Поэтому сейчас мы видим новые законы, новые посадки, обыски, аресты. Это те же самые подходы, которые были и в 30-е годы прошлого века.

Когда в 2010-х продлевали сроки сохранения секретности архивов, ссылались на необходимость защиты "персональных данных" и на то, что какие-то документы затрагивают интересы ныне живущих людей из числа бывших сотрудников.

Насколько состоятельны были такие доводы? Для неосветской власти Путина всегда было важно защитить «своих» от гнева народного, поэтому тут шли в ход все средства, даже не так давно появившаяся категория "персональных данных".

Сейчас под этим предлогом могут скрывать всё что угодно.

Власти боятся рассекретить красных палачей, считают их «классово близкими», соответственно, будут беречь от распространения любую информацию, которая касается возможности идентификации этих лиц, нахождения их родственников.

В 2016 году была инициатива сбора подписей под петицией за то, чтобы Межведомственная Комиссия по защите Государственной Тайны открыла доступ к архивам ВЧК-НКВД-КГБ. Власти отказали, объясняя это тем, что «сведения сохраняют актуальность, поскольку их распространение может нанести ущерб безопасности РФ».

Под государственной безопасностью власти РФ понимают прежде всего безопасность режима Путина. И под этим предлогом они будут скрывать любую информацию, хоть как-то компрометирующую этот режим.

Николай Греков

ПРОФ. ИВАН ЕСАУЛОВ

ДРАМА РУССКОГО ЗАПАДНИКА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Казалось бы, как можно всерьез относиться к высказываниям такого персонажа, как Липутин из «Бесов»? Однако в художественном мире Достоевского, как известно, и стихи капитана Лебядкина представляют значительный интерес – и даже находят свое прямое продолжение в дальнейшем развитии русской поэзии. Так что и самые неприятные для читателя персонажи, вроде Липутина, автором не объективируются сплошь, и их суждения также могут иметь не только очевидный комический характер, как это представилось Ставрогину, а также может показаться при поверхностном чтении романа, но и глубоко серьезный смысл – в рамках художественного целого. Напомню соответствующий фрагмент романа:

— Я ведь слышал что-то, что вы дуэли не любите...

— Что с французского-то переводить! — опять скрючился Липутин.

— Народности придерживаетесь? Липутин еще более скрючился.

— Ба, ба! что я вижу! — вскричал Nicolas, вдруг заметив на самом видном месте, на столе, том Консидерана, — да уж не фурьерист ли вы? Ведь чего доброго! Так разве это не тот же перевод с французского? — засмеялся он, стуча пальцами в книгу.

— Нет, это не с французского перевод! — с какою-то даже злобой привскочил Липутин, — это с всемирно-человеческого языка будет перевод-с, а не с одного только с французского! С языка всемирно-человеческой социальной республики и гармонии, вот что-с! А не с французского одного!..

— Фу, чёрт, да такого и языка совсем нет! — продолжал смеяться Nicolas...

«Бог знает, как эти люди делают!» думал Nicolas в недоумении, припоминая иногда неожиданного фурьериста.

Вдумаемся в странность коллизии: «Не с французского... не с одного только французского... не с французского одного, с всемирно-человеческого».

Настойчивое и горячее убеждение (троекратное повторение – «не с французского») говорит, конечно, о том, что Ставрогиним в данном случае невольно (отсюда и «в недоумении») затронут какой-то крайне большой «пунктик» персонажа, чрезвычайно важный для него самого.

Недаром же, в самом деле, этот «большой либерал и в городе слышавший атеистом», но и «чиновничка», скряга и процентчик, в то же время «яростный сектатор», который «по ночам», в свободное от службы и домашнего тиранства время, упивается «восторгам пред фантастическими картинами будущей фаланстеры, в ближайшем осуществлении которой в России и в нашей губернии он верил как в свое собственное существование».

Ставрогину кажется невероятной и смешной эта особая вера, вера Липутина, но если мы вспомним, что произойдет с Россией дальше, то окажется, что более прав-то как раз Липутин, а не смеющийся над ним Ставрогин.

Каким-то образом эта вера в «фантастические картины» и,

главное, в их «осуществление в России», в «ближайшее (!) осуществление», соединяется не только с государственной службой Липутина, но с и его собственной повседневной реальностью.

В кругозоре циника Ставрогина это соединение не менее «фантастично», чем сами «фантастические картины» (отсюда и его «недоумение»): «И это там, где сам же он скопил себе “домишко”, где во второй раз женился и взял за женой деньжонки, где, может быть, на сто вёрст кругом не было ни одного человека, начиная с него первого, хоть бы с виду только похожего на будущего члена “всемирно-общечеловеческой социальной республики и гармонии” (Там же).

Однако же мы знаем, что достаточно скоро на месте России возникнет большое количество подобных «республик»; те, кто их «организовывал», были озабочены вовсе не какой-то «Россией», но именно будущей «всемирно-общечеловеческой гармонией», настаивая – в своей идеологии – на «всемирно-историческом значении» результата своих фантазий, при этом самого Достоевского на Первом Съезде Советских Писателей объявив «изменником».

В своём докладе «Особенности Русского Просвещения XVIII века в “Зимних заметках о летних впечатлениях”»: “французский кафтан” Фонвизина и культурное бессознательное» на XXXVII Международных Старорусских чтениях 23 мая 2022 года, не касаясь там фантазий Липутина, я уже представлял собственную интерпретацию существенных особенностей сарказма Достоевского насчёт «большого либерала» Фонвизина (характерно полное текстуальное совпадение с липутинским описанием), который «таскал ... всю жизнь на себе неизвестно зачем французский кафтан, пудру и шпажонку сзади», однако, «только... высунул свой нос за границу, как и пошёл отмаливаться от Парижа всеми библейскими текстами и решил, что “рассудка француз не имеет”, да ещё и иметь почёл бы за величайшее для себя несчастье».

Почему у Фонвизина, по предположению Достоевского, «щекотало от удовольствия на сердце», когда он «сочинял» эту фразу? Отчего ту же фонвизинскую фразу в России «три-четыре поколения сряду читали ... не без некоторого наслаждения»? «Тут слышится какое-то мщение за что-то прошедшее и нехорошее» Там же, пишет Достоевский.

Но что это за «мщение» и за какое такое «нехорошее»?

Драма русских западников («больших либералов») как раз в том и состоит, что Запад (в данном случае «французский», а отнюдь не гармонический «всемирно-человеческий») их совершенно не устраивает – и в интеллектуальном «мщении» ему они чувствуют «что-то неотразимо приятное» (Там же).

Запад для нашего отечественного западника (во всяком случае, времени Достоевского) это не западная повседневность, не реальность Запада, это мечта, идеал («фантастические картины», как у Липутина). Оказываясь же

в западной повседневности, что «большой либерал» Фонвизин, что другие русские западники (например, Белинский или Герцен) отчётливо осознают расподобление этой своей головной мечты и реальности. Потому они чрезвычайно оскорблены этим расподоблением. Франция для Фонвизина оказывается слишком французской, оскорбительно французской, а отнюдь не «всемирно-человеческой», как это можно было ожидать.

Ожидать, если не сталкиваться с французской повседневностью, а читать Консидерана.

Фраза Фонвизина «рассудка француз не имеет» становится своего рода полемическим лейтмотивом «Зимних заметок о летних впечатлениях». Достоевский вновь и вновь иронически обыгрывает выстраданное суждение русского западника, «большого либерала». В итоге читатель, следуя за Достоевским, видит, что француз, напротив того, «рассудок» вполне имеет, только это совсем особый французский – крайне прагматический – «рассудок», а не тот «всемирно-человеческий», который ожидал от француза Фонвизин.

Поэтому-то Фонвизин – с горячностью, весьма близкой к горячности Липутина, с горячностью и обидой пишет об обмане, о том, что «обман почитается у них (французов. – И. Е.) правом разума... Божество его (француза. – И. Е.) – деньги. Из денег нет труда, которого б он не поднял, и нет подлости, которую бы не сделал... Д’Аламберты, Дидероты в своем роде такие же шарлатаны, каких видал я всякий день на бульваре...» и так далее, не буду множить цитаты.

Однако, если француз оказался больше французом, чем того хотел русский западник Фонвизин, это ведь не проблемы французского, это проблемы русского западника.

В чём же причина подобного (признаётся, несколько комического) разочарования? И здесь не избежать обращения к историко-культурной перспективе (или ретроспективе)?

Рассмотрим в качестве примера, поясняющего картину, современника Фонвизина, о котором молодой Пушкин написал так:

*Ты ль это, слабое дитя чужих урюков,
Завистливый гордец, холодный
Сумароков.*

Поздний Пушкин изменил эту оценку, он отмечал, что «Сумароков требовал уважения к стихотворству». Но, конечно, и уважение к себе самому тоже. Кто такой Сумароков? Как полагали его современники, наперстник Буало, северный Расин, наш Мольер, российский Лафонтен. Он не только создаёт русское подобие «Поэтического искусства» Буало – «Эпистолу о стихотворстве», но и прививает на русской почве множество жанров новой литературы практически, своими собственными стараниями. Иными словами, он осваивает и переводит французские инварианты на язык русской культуры, при этом крайне высоко оценивает собственное положение в отечественной поэтической иерархии. Можно ли его

самого назвать русской репликой французской культуры («переводом с французского», как бы выразился Липутин), раз он так гордился своей парафрастической миссией?

Однако – странная вещь. Сумароков, который так любит французскую культуру, литературу и французский язык, в то же самое время пишет: «Взращён дитя твое и стал уже детина, Учился, научен, учился, стал скотина; К чему, что твой сынок чужой язык постиг, Когда себе плода не собрал он со книг? Болтать и попугай, сорока, дрозд умеют, Нобольше ничего они не разумеют... И мода стран чужих России не закон – Мне мнится, всё равно – присядка и поклон. Об этом инако Екатерина мыслит: Обряд хороший нам она хорошим числит, Стремится нас она наукой озарить, А не в французов нас некстати претворить... Безмозглым кажется язык российский туп: Похлёбка ли вкусная, или вкусная суп? Иль соус, просто сос, нам поливки вкуснее?... А истина нигде ещё не знала мод, Им слепо следует безумный лишь народ... Кто русско золото французской медью медит, — Ругает свой язык и по-французски бредит... На русском прежде был языке сын твой шумен, Французского хватив, он стал совсем безумен.

Как это понять? Так любить французские образцы, внедрять на протяжении всей своей жизни в отечественную культуру их русские аналоги, и – одновременно – так высказываться о французском (именно французском) влиянии?

Полагаю, что дело было именно в том, что парадоксально точно сформулировал Достоевский в «Бесах» — как раз в диалоге Липутина и Ставрогина.

Французское воспринималось Сумароковым (а до поры до времени и Фонвизиним, и другими «русскими либералами»), впоследствии западниками), отнюдь не как собственное «французское», но как «всемирно-человеческое», не как чужое, а как истинное (по контрасту со своим «неправильным»).

Есть чужое как чужое (собственно французское). Оно – критикуется и отвергается в качестве недолжного. Для Липутина это, к примеру, дуэль, для Фонвизина – атеистическая французская философия, для Сумарокова – смешная галломания (зачем говорить суп, если есть замечательное русское слово – похлёбка, зачем – соус (sos), если уже есть русская поливка). Но есть также чужое не как чужое (то есть противоположное своему), а как истинное. И потому принять такое чужое (как истинное) не зорно.

Вспомним как называет Пушкин православие? «Греческой» верой. Но она ведь для него, как и для других православных русских, не собственно греческая, а истинная. Более того, по убеждению Пушкина, «греческая вера, отдельная от всех прочих, даёт нам (русским. – И. Е.) особенный национальный характер». То есть греческая вера не «чужая», а истинная, тогда

как наше собственное язычество – в этой перспективе – ложно. От чего необходимо поэтому отказать в пользу истинного.

Какое отношение к этому имеет французское (для русской культуры) – со времен Просвещения? По-видимому, самое непосредственное. Просветительская установка зиждется на генерализации; в частности, на том, что суть человека – везде, во всех культурах, та же самая. Линия развития общества – тоже единая, правильная (позднее её назовут прогрессистской).

Другие же, отклоняющиеся от нее, – неправильные. Правильная (генеральная) линия – это Греция-Рим-Франция. Поэтому чрезвычайно хочется (русскому западнику хочется), чтобы и Россия встроилась в эту же самую линию (как при крещении Русь присоединилась к другим – христианским – народам: вспомним «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, где, помимо центральной оппозиции Закона и Благодати, есть и другая доминанта, передающаяся союзом «и» – «И вот уже и со всеми христианами и мы славим Святую Троицу»).

Освоение образованными русскими людьми европейской культуры, начиная с XVIII века, с её пафосом просветительской генерализации, в их сознании строилось по этой же самой модели.

Затем же оказалось, что здесь совершенно иная генерализация (как, скажем, скрещение серпа и молота, образуют тот же крест, но, перефразируя слова князя Мышкина по другому поводу, крест противоположный). Люцефер тоже ведь «светоносный». Так свет Христов, который просвещает всех, обернулся, используя замечательную формулировку Ю. Н. Сытиной, тьмой Просвещения.

Что пресловутый Консидеран, быть может, такой же французский «шарлатан», говоря словами Фонвизина, как и Даламберты с Дидеротами, это значительная часть русского общества отказывается признавать, поскольку православная «вера отцов» у них замещается иной верой и переходит в область их культурного бессознательного. Так одно из кабинетных философских западных направлений, имеющих совершенно определенное культурное

происхождение, на русской почве становится тотальным убеждением и «руководством к действию» — подобно тому, как позднее «международный революционер» Роза Люксембург для платоновского Копенкина, готового немедленно отдать за неё и свою жизнь, и жизнь своих близких, становится чем-то вроде пролетарской Богородицы.

Генерализирующая логика просветителей, которая сквозит в высказываниях Лямшина, была в том, что России нужно, так сказать, встроиться в «правильную» линейку. По Сумарокову, *Такой нам надобен язык, как был у греков,*

Какой у римлян был, и, следуя в том им,

Как ими говорит Италия и Рим, Какой в прошедший век прекрасен стал французский...

Однако есть и неправильные линии. И их культивировать не нужно. Сумароков по контрасту иллюстрирует эту другую – неправильную – линию культуры:

Но не такие так полезны языки, Какими говорят мордва и вотяки

Вот почему французский сначала с энтузиазмом и воспринимался

как всемирно-человеческий.

Оскорбление же – для «большого либерала» Фонвизина, вызвавшее потребность мщения (то есть сатисфакции, почти дуэли, вспоминая ироническую реплику Ставрогина — по отношению к позиции Липутина) – было в том, что французское не оказалось истинным (как «греческая вера»), французское оказалось только французским.

В кажущейся чрезвычайно комичной «оппозиции» Липутина мы и видим попытку преодолеть это французское, слишком французское, перевести его в другой регистр, объявить не французским, но «всемирно-человеческим», то есть не национальным, а интернациональным. Поскольку же тогдашние западники были всё-таки русскими людьми, то подобное замещение происходило у них не рационально-логически, но с русской горячностью, минуя рациональное конструирование, в область веры, не только «фантастической», но и фанатической веры. Которая неизбежно входила в непримиримый конфликт с другой верой, на которой прежде стояла Россия.

МЫСЛИ КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРА

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТРАМПА

В Белый Дом возвращается американский президент, первым поставивший Украине вооружение, президент, по приказу которого американские войска впервые в истории вступили в бой с путинской Частной Военной Компанией «Вагнер» в Дейр-эз-Зоре, политик, который в своё время уже демонстрировал, что, когда враги обвиняют его в чрезмерной лояльности Путину, он должен быть максимально к нему нетерпим.

Путин труслив и гораздо менее уверен в себе, чем хочет казаться.

Путин не боится только тех, кто заведомо слабее его, будь то недовольные внутри России или постсоветские государства, хотя и по их поводу требуются оговорки — вспомним, как лидер РФ скукоживается в компании даже Лукашенко, пусть и зависимого от него, но более опытного и сильного.

Трамп как триумфатор-несистемщик, как человек, победивший ту бюрократию, с которой Путин за свои 25 лет научился иметь дело — Трамп для Путина невыносим.

Накануне этих выборов всплыло давнее обещание Трампа «нанести удар прямо по центру гребаной Москвы». Путин говорил, что не помнит такого разговора, но даже если его действительно не было — если в памяти Трампа осталось, что он был готов к такому удару, это само по себе делает угрозу реальной, и Путин, даже если он действительно не помнит ничего такого (хотя помнит, конечно), будет вынужден её учитывать.

Всё, что он мог позволить себе при Байдене, теперь ограничено незнанием (и невозможностью знать, невозможностью предугадать), как поведёт себя Трамп

«НАША СТРАНА». Орган русской монархической мысли. Основан 18.9.1948 Иваном Лукьяновичем Солоневичем. Редактор: Николай Леонидович Казанцев. Адрес для писем: Nicolás Kasanzew, Av. San Martín 3956, San Lorenzo 2200, Provincia Santa Fe, Argentina.

NUUESTRO PAIS. Registro Nacional de Propiedad Intelectual 949917. Мы имеем право сокращать, не извращая смысла, полученные материалы. Телефон редактора: (54-9-11) 5485-2306. Э-адрес: kasanzew@gmail.com Мнения авторов не всегда выражают таковое газеты. При перепечатке ссылка обязательна. Сайт газеты: <https://nashastrana.net>

в ситуации, в которой Байден выразил бы озабоченность и пообещал бы Украине что-нибудь, чего он и не собирался делать.

ПОРНО-КОРЕЙЦЫ

Солдаты Красной Кореи в Российской Федерации подвели на порнографию, как заявил Financial Times. Эти данные подтверждают в Politico и New York Post. Такое внеслужбное развлечение солдаты Северной Кореи открыли для себя благодаря свободному доступу в интернет.

МИНИСТЕРСТВО СЕКСА

Пролетарии всех стран - совокупляйтесь! В РФ хотят создать Министерство Секса. Такое предложение уже направили в Государственную Думу. Согласно инициативе, государство должно будет оплачивать первые свидания и первую брачную ночь в отелях, на первое просят выделять 5 тысяч рублей, на второе — 26 300. Так же новое Министерство должно будет каждый день выключать по всей РФ свет и интернет с 22:00 до 2:00, платить за домашнюю работу замужних женщин и учитывать её в трудовом стаже.

Офисные пролетарии и клубные колхозницы из Государственной Думы РФ задумались о собственном вымирании всерьез.

ПУТЬ ВНИЗ

В Москве сносят Дом Кино. По предложению Никиты Михалкова.

Думаю, не нужно культурным людям объяснять что это за здание.

Разумеется, это финальная точка погрома русской интеллигенции и интеллигенции вообще. Большого они сделать не смогут даже если распустят Институт Философии РАН и вообще РАН. Кажется, верхняя точка новой советчины пройдена, дальше только путь вниз.

ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

Почему достижения отечественной культуры более чем скромны за последний век? Почему весь мир по-прежнему читает великих

русских писателей, но почти не читает советских и эрефийских? А вот почему. В социуме действует закон сохранения культуры, подобный закону сохранения энергии.

В России 1917 года общество состояло из 4 миллионов человек. Общество России сто лет спустя состоит из 144 миллионов человек. И каждый из этих 144 миллионов обученных грамоте потомков неграмотных варваров в третьем поколении лишь на одну тридцать шестую культурный дореволюционный человек).

И эти 1/36 культурного человека, естественно, не могут поддерживать высокую культуру, которая перестала быть конкурентоспособной именно поэтому. Лучше меньше да лучше. Лучше всеобщей полутьмы-мальй, но мощный узконаправленный свет.

СОВЕТСКАЯ ШИНЕЛЬ

Когда в 1987 году на меня надели советскую шинель и отправили защищать советскую родину в железнодорожные войска на БАМ, я сперва недоумевал - как в этой шинели работать-то можно? Крой и пошив ее такой, что руки вверх вообще не поднимаются. Вбок - пожалуйста, но не вверх.

И только сейчас, столько лет спустя, меня надоумили - по всей видимости это было сделано специально. В ней невозможно сдаться в плен. Этот крой во время Второй Мировой придумали, когда за один первый год войны сдалась вся наличная на 22 июня Красная Армия, 5.250.000 человек. Как же советский человек сообразителен и умен, а мы все его ругаем. Торжество советской военной мысли!

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТА

Главное влияние интернета на историю состоит в том, что на нём поломалась Эпоха Просвещения. Казалось бы, мысль парадоксальная? Но ведь раньше, до Интернета, просвещенцы нам втирали очки, что люди глупы от недостатка информации, помните, да? А теперь вот выяснилось что большая часть населения Земного Шара непроходимо глупа даже в гиперинформационный

век и использует Интернет для просмотра порнографии и болтовни в социальных сетях с такими же как они дебилами.

ПОСОБНИКИ СТАЛИНА

Писатели Бернард Шоу, Анатолий Франс, Леон Фейхтвангер, Ромен Роллан, Анре Жид, Хемингуэй, Бертольт Брехт, Мальро, Арагон, Дос Пассос, Эптон Синклер были коммунистическими агентами.

Вот так и рушили наш старый уютный мир. В один прекрасный момент мы поняли, что за любимыми с детства фамилиями скрываются насекомые-каннибалы, на совести которых миллионы загубленных душ. Милейшие люди – Хемингуэй, Шоу, Франс - это все холодные пособники Сталина и коммунистических убийц, интеллектуалы на зарплате, люди абсолютно аморальные и стоявшие совершенно вне какого бы то ни было нравственного закона...

ЧЕМ УНИКАЛЬНА ДУМА?

Почему Дума РФ, в отличие от других парламентов планеты, является слаженным, хорошо сыгранным отрядом горнистов, трубящих в унисон, дующих в одну дуду, а не местом для дискуссий?

Розовокрылые либералы отвечают, что, мол, "тоталитаризм", "однопартийная система". Ну, партии там другие есть, а всё равно в одну дуду дуют.

Чем примитивнее существо тем оно более похоже на другое существо своего вида. Только с усложнением появляются вариативные акциденты. Секрет Думы в том, что там сидят совершенно одинаковые советские люди с душевным строем развитого великовозрастного пионера. Гомогенности среды удалось добиться тогда, когда было использовано главное технологическое ноу-хау путинской эпохи - введение избирательных фильтров против умных, даже "своих" умных - излишняя сложность отсечена.

В ней (именно в рамках парламента) нет никакой технической потребности, как нет таковой в пионерском собрании.

А. Рейнке